

24 АПР 1980.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Ф ИЛЬМ «Семья Ивановых», сравнительно незаметно прошедший по экранам несколько лет назад, был, к сожалению, немногим похож на свой первоисточник — сценарий Юрия Нагибина «Иван да Марья»... Драматург и тончайший, проникающий в глубинные течения жизни прозаик написал рабочих людей в тех мощных проявлениях героики, ума, доброты, которые редко, очень редко — при всем внимании нашей литературы и журналистики к подобным биографиям и судьбам — появляются перед читателем. Мария и Иван Ивановы, прожившие на страницах сценария последние месяцы своей нелегкой жизни, испытанной войной, трудом, болезнями, незабываемыми ими подвигами, были прекрасны, искренни, мудры. Таковы же, как искони жившие на той же русской земле с ними схожие Иваны да Марьи.

Новое время изменило эти характеры в единственно лучшую сторону: власти над миром, уверенности в своей правде. Но и об уверенности, о власти совсем не подозревали герои Нагибина. То было их сутью, их хребтом. Не костюмом, не гримом. Писатель увидел и понял главных людей «второго ряда», «массы», застенчивых, теплых, неловких, тех самых, с кого следует делать жизнь...

Сценарий Нагибина трудно разнести по обычной шкале литературных жанров. Они не теряют ни доли полноты и обстоятельности ведения повествования, присущих его поэтической прозе. И вместе с тем они остры, конфликтны, диалогичны, как и следует в драматургии. И если еще продолжается давний спор о том, полноценной ли литературой или всего лишь рабочим эскизом для режиссера является киносценарий, то работы Юрия Нагибина — из тех, что лежат, хоть и в небольшой, но тяжелой чаще весов, убеждают нас, что слово и только оно — первооснова кинопластики.

Юрий Маркович Нагибин написал около тридцати киноповестей. Среди них и сцене знаменитые, вечные, принадлежащие советской прозаической и драматургической классике.

...Бухенвальд еще только становился музеем — всего одиннадцать лет прошло после Победы. Автобус подъехал к огромным воротам концлагеря, словно бы состоящим из литых готических башен, и мы увидели, как по земле, на которой в тот зеленый солнечный день ничего не росло, идет высокий седой человек.

Нагибин стоял отдельно — ближе к чугунной решетке. Оттого, быть может, бухенвальдский гид протянул руку ему одному. Нагибин был нашим старшим. Не годы — каких-то полтора десятилетия — играли тут роль. Он был солдат, контуженный на войне. Он был писатель, автор первоклассных рассказов. Седой немец шел впереди, говоря в пустое пространство перед собой. Интонации ровны, фразы кратки. Он хорошо знал это страшное место: провел здесь узником восемь лет. Никто, кроме Юрия Марковича, не задал ему ни единого вопроса. Нагибин спросил: «Откуда вы родом?» «С севера, — сказал немец. — Вырос в Ростове». «Вы, наверное, учитель?» На мгновение повернувшись к нам лицом, он ответил:

люди искусства

Чистые пруды

Александра ПИСТУНОВА

то всегда бывает в большой литературе. Остановилась на углу Телеграфного переулка и посмотрела на световое табло «Берегись трамвая». Три последние буквы в слове «берегись» не горели — так же, как в нагибинскую пору. Здесь был тот же «берег трамвая», та же городская старая земля. Я свернула в Телеграфный, поглядела на Меншикову башню, постояла возле дома, куда мальчик из рассказа Нагибина провожал девочку Нину, получившую от него письмо: «Ты самая красивая, я очень тебя люблю...». Да разве он написал это только девочке? Нет, конечно. Любовное его письмо обращено Чистым прудам, чистым переулкам, чистым (пусть замусоренным) дворам, сверкающим окнам, пыльным, но стерильно чистым лестницам, чистым чувствам и высоким мыслям той отроческой мучительной поры (не всякий захочет в нее вернуться), поры человеческой жизни, которая лепит душу, характер, связывая любого из нас с почвой Родины конкретной, великой, поэтической связью.

В прозе Нагибина немного найдется таких открытых строк. Он пишет действие, а не чувство, «было», а не «будто». Плоть его слова вещественна, видима, реальна. Он не любит сравнений, почти не ищет метафор. Предпочитает факт. Вот отчего, вероятно, его повести и рассказы столь кинематографичны — и те, что стали фильмами («Ночной гость»,

старый русский писатель. Не оттого, что 3 апреля ему исполнилось шестьдесят лет. Он являет собой тип старого русского советского писателя. Это человек идей, идей. Их множество, а если вдуматься, всего одна. Природа? Да, он говорил об «экологии» еще тогда, когда это мало кого занимало, в начале пятидесятых. Нечерноземье? Конечно. О чем же «Последняя охота», «Хазарский орнамент», «Председатель» с его утверждением: «Пока есть Советская власть, будут и колхозы. И тому, кто землю ворочает, другого пути нет». Живопись? Поэзия? Музыка? Москва, о дорогих камнях которой он вечно пишет с такой пронзающей сыновней любовью? Старость? Творчество? Детство? Огромный глобус, где живет в разных точках столько его друзей? Любовь? Красота? Честь? Работа? Да, это все его идеи, заражающие верой в жизнь и справедливость. Вот и останемся на последнем слове. Оно — идея писателя Нагибина.

Память этого человека держит тончайшие ходы сюжетов литературной классики, имена героев и их создателей. Он богат, ибо воспринимает далекие от его цеха формы и жанры творчества во всей роскоши их достижений, будь то театр или изобразительное искусство, архитектура и музыка — от Баха до цыганской песни. У него была замечательная мать, Ксения Алексеевна, дружба с нею дала этому человеку знать, быть может,

правде. Но и об уверенности, о власти совсем не подозревали герои Нагибина. То было их сутью, их хребтом. Не костюмом, не гримом. Писатель увидел и понял главных людей «второго ряда», «массы», застенчивых, теплых, неловких, тех самых, с кого следует делать жизнь...

Сценарии Нагибина трудно разнести по обычной шкале литературных жанров. Они не теряют ни доли полноты и обстоятельности ведения повествования, присущих его поэтической прозе. И вместе с тем они остры, конфликтны, диалогичны, как и следует в драматургии. И если еще продолжается давний спор о том, полноценной ли литературой или всего лишь рабочим эскизом для режиссера является киносценарий, то работы Юрия Нагибина — из тех, что лежат, хоть и в небольшой, но тяжелой чаше весов, убеждают нас, что слово и только оно — первооснова кинопластики.

Юрий Маркович Нагибин написал около тридцати киноповестей. Среди них и сцены знаменитые, вечные, принадлежащие советской прозаической и драматургической классике.

...Бухенвальд еще только становился музеем — всего одиннадцать лет прошло после Победы. Автобус подъехал к огромным воротам концлагеря, словно бы состоящим из литых готических букв, и мы увидели, как по земле, на которой в тот зеленый солнечный день ничего не росло, идет высокий седой человек.

Нагибин стоял отдельно — ближе к чугунной решетке. Оттого, быть может, бухенвальдский гид протянул руку ему одному. Нагибин был нашим старшим. Не годы — каких-то полтора десятилетия — играли тут роль. Он был солдат, контуженный на войне. Он был писатель, автор переклассных рассказов. Седой немец шел вперед, говоря в пустое пространство перед собой. Интонации ровны, фразы кратки. Он хорошо знал это страшное место: провел здесь узником восемь лет. Никто, кроме Юрия Марковича, не задал ему ни одного вопроса. Нагибин спросил: «Откуда вы родом?» «С севера, — сказал немец. — Вырос в Ростке». «Вы, наверное, учитель?» На мгновение повернувшись к нам лицом, он ответил: «Учитель».

Вечером мы стояли возле бронзового веймарского Шиллера. По велосипедной дорожке мчался мимо паренек лет тринадцати. Нагибин смотрел на него пристально. «Похож?» — «На кого?» — «На учителя из Бухенвальда».

Прошло несколько лет. Нагибин выпустил в свет серию рассказов «Чистые пруды» — о ранней поре детства. Тоску по ней человек всегда отчего-то чувствует в зените зрелости, к сорока годам, а столько ему тогда и было. Он написал об этом с той прозрачной нежностью, благородством и мягкой красотой, которые приводили на память Аксакова и Л. Толстого, оставивших русской литературе непревзойденные образцы своих «детских» биографий. В «Чистых прудах» писатель отвечал на вопрос «откуда вы родом?», главный для него, предъявляемый им всегда любому человеку и любому своему герою.

Встретив однажды Юрия Марковича, я сказала ему, что только после «Чистых прудов» поняла, отчего он задал такой вопрос седому немцу в Бухенвальде, почему искал его генеалогию в летящем на велосипеде вихрастом мальчишке и почему в рассказе «Веймар и окрестности» «опустил» его детство, формирование, красочную, наверняка революционную биографию. Тогда мы любили знаменитые «семь восьмых айсберга» Хемингуэя, и я тоже щеголяла цитатой. «Семь восьмых» Нагибину не понравились, как и строка Экзюпери «Я родом из детства». Он ответил: «Семь восьмых? Детство — девять восьмых. Проблема юности — осуществить себя таким, каким ты был в отрочестве, не стать хуже, не потерять смелости, радости, сияющих и острых чувств. А «родом из детства», в сущности, фраза. Констатация, только и всего».

По совпадению я жила в ту пору на Чистых прудах. Возвращаясь домой, я решила пройти маршрутом нагибинских рассказов, топографически чрезвычайно точных, как

люди искусства

Чистые пруды

Александра ПИСТУНОВА

то всегда бывает в большой литературе. Остановилась на углу Телеграфного переулка и посмотрела на световое табло «Берегись трамвая». Три последние буквы в слове «берегись» не горели — так же, как в нагибинскую пору. Здесь был тот же «берег трамвая», та же городская старая земля. Я свернула в Телеграфный, поглядела на Меншикову башню, постояла возле дома, куда мальчик из рассказа Нагибина провожал девочку Нину, получившую от него письмо: «Ты самая красивая, я очень тебя люблю...». Да разве он написал это только девочке? Нет, конечно. Любование его письмом обращено Чистым прудам, чистым переулкам, чистым (пусть замусоренным) дворам, сверкающим окнам, пыльным, но стерильно чистым лестницам, чистым чувствам и высоким мыслям той отроческой мучительной поры (не всякий захочет в нее вернуться), поры человеческой жизни, которая лепит душу, характер, связывая любого из нас с почвой Родины конкретной, великой, поэтической связью.

В прозе Нагибина немного найдется таких открытых строк. Он пишет действие, а не чувство, «было», а не «будто». Плоть его слова вещественна, видима, реальна. Он не любит сравнений, почти не ищет метафор. Предпочитает факт. Вот отчего, вероятно, его повести и рассказы столь кинематографичны — и те, что стали фильмами («Ночной гость», «Эхо», «Председатель», «Чайковский» и другие), и те, что не стали, хотя, возможно, станут. Подлинность, убедительность, концентрированность этой прозы рождены, на мой взгляд, открытостью сердца писателя, страстно откликающегося жизни — равно ее радости и ее печали. Это дает объяснение к тому нечасто являющемуся факту, отчего именно Нагибин, выросший на «берегу трамвая», стал проводником в современную советскую литературу для тех, кто вырос на берегах великих рек, на берегу лесов и полей. В его столе лежат их тетради в носую линейку и клетку. Он перепечатывал эти опыты сам, возил их по редакциям, хлопотал, писал предисловия к публикациям. И, мало говоря об этом, считал такую свою деятельность особенно важной, лично важной. Кроме «эгоистического» (как он считает) счастья делать добро, тут есть, на мой взгляд, другое: счастье общности, товарищества, вечное счастье мальчика с Чистых прудов.

Как тот парнишка, как деревенские женщины, которых он писал и пишет любовно и жадно всю свою столь рано начатую литературную жизнь, как великие писатели, художники, музыканты, которых не устаёт поклоняться, — высшим человеческим чувством Нагибин считает сострадание. Помните в «Председателе» фразу Надежды Петровны, обращенную к Трубникову, когда она моет ему ноги: «Вы меня не стесняйтесь... жалкий мой». В этих словах содержится гораздо больше, чем только народный эквивалент «любит — жалует», «любовь — жалость» и, следовательно, «любимый — жалкий». Здесь обжигающая прямота, страстотерпство, могучая душевная сила. Этому нельзя научиться ни у любимого Нагибиным Лескова, ни у Аполлона Григорьева, ни у Тютчева, ни у Кустодиева или Тинторетто, которыми он занят ныне столь глубоко и горячо.

Юрий Маркович Нагибин —

старый русский писатель. Не оттого, что 3 апреля ему исполнилось шестьдесят лет. Он являет собой тип старого русского советского писателя. Это человек идеи, идей. Их множество, а если вдуматься, всего одна. Природа? Да, он говорил об «экологии» еще тогда, когда это мало кого занимало, в начале пятидесятых. Нечерноземье? Конечно. О чем же «Последняя охота», «Хазарский орнамент», «Председатель» с его утверждением: «Пока есть Советская власть, будут и колхозы. И тому, кто землю ворочает, другого пути нет». Живопись? Поэзия? Музыка? Москва, о дорогих камнях которой он вечно пишет с такой пронзающей сыновней любовью? Старость? Творчество? Детство? Огромный глобус, где живет в разных точках столько его друзей? Любовь? Красота? Честь? Работа? Да, это все его идеи, заражающие верой в жизнь и справедливость. Вот и останемся на последнем слове. Оно — идея писателя Нагибина.

Память этого человека держит тончайшие ходы сюжетов литературной классики, имена героев и их создателей. Он богат, ибо воспринимает далекие от его цеха формы и жанры творчества во всей роскоши их достижений, будь то театр или изобразительное искусство, архитектура и музыка — от Баха до цыганской песни. У него была замечательная мать, Ксения Алексеевна, дружба с нею дала этому человекознатцу, быть может, больше всего на свете. Впрочем, читателю знакома его мать: Юрий Маркович написал ее портрет в прекрасной повести «Павлик». Там, как во многих других произведениях Нагибина, дана канва его собственной жизни, его подлинной биографии. Хорошо ли это? Насколько это позволительно литературе? Батюшков отвечает нам так: «Отчего Кантемира читаешь с удовольствием? Оттого, что пишет он о себе. Отчего Шаликова читаешь с досадою? Оттого, что пишет он о себе».

У Нагибина есть чрезвычайно важный дар ретроспективного зрения. Многие владеют даром перспективным: видя зерно, представляют его путь к колосу и даже к плевелу. Нагибин видит путь от колоса к зерну — к детству этого колоса, к его юности... Так, на фоне Смоленской дороги появились книга о мальчишке Юрии Гагарине и фильм об этом мальчишке. Так, из воякования венецианских голубей в пыльном луче солнца появился Тинторетто. Так, в прологе к киноповести «Председатель» возник Егорка Трубников, который берет у старика пастуха жалейку, «накладывает пальцы на лады, снова подносит ко рту, дует, и неожиданно слабое его дыхание рождает мощный, волнующий звук боевой трубы». Эта девочка еще раз заиграет в «Председателе»: старики, когда-то учивший мальчика, поднесет жалейку к губам, чтобы поднять отошавших послевоенных коров, вывести их на траву.

Какая жалость, что кинематограф зачастую теряет поэтические рифмы Нагибина, его вечный вопрос, «откуда родом», и даже фильм «Председатель», очень заметный для своего времени, потерял мальчика, родившего «мощный, волнующий звук боевой трубы». Но какая разница — это осталось на листе бумаги, в книге, самом долговечном из творений искусства...

Писатель и сценарист Юрий Нагибин.

Фото В. Бойко.